

Климентина Чугункина

Очки в роговой оправе

18+

Климентина Чугункина

Очки в роговой оправе

«Автор»

2026

Чугункина К.

Очки в роговой оправе / К. Чугункина — «Автор», 2026

Уже не первая одинокая английская леди пропадает в крохотном, ничем не примечательном городке. Куда деваются женщины? Их не находят убитыми, они просто исчезают без следа. Единственное, что объединяет всех пропавших без вести дам - это визит, который они наносили в свой последний раз. Визит в дом садовника-любителя, за забором которого сокрыты невероятное цветочное великолепие и таинственная теплица, наполненная необычными растениями - результатами кропотливой селекции.

© Чугункина К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Визит к тётушке Флоранс	5
Часть вторая. Первозданный Эдем	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Климентина Чугункина

Очки в роговой оправе

Часть первая. Визит к тётушке Флоранс

Было почти три часа пополудни, когда Лаура Вермонт, красotka двадцати двух лет, пересекла порог дома своей тётушки по отцовской линии Флоранс Найтингейл. Как только Лаура прошла в большую просторную гостиную в псевдовосточном стиле, она сразу увидела тётку в белой блузке и голубой юбке. Возраст её приближался к шестидесяти, была она дородной, низкорослой, очень добродушной, но несколько глуповатой и любящей поговорить старухой.

Тётушка её тоже заметила и сразу устремилась ей навстречу.

- Лаура, дорогая, ты как раз вовремя, чтобы выпить со мной кофе.

- Как поживаете, тётушка? – поинтересовалась девушка, влекомая ею на белый диван.

Перед ним уже дожидался низкий столик на колёсиках со знаменитым кофейным сервизом французской фабрики фарфора «Лимож». В пору увлечения своими ближайшими подругами всем французским приобрела его Флоранс Найтингейл и с тех пор не упускала случая продемонстрировать по поводу и без.

- Великолепно. Как всегда великолепно. Спасибо, что не забываешь навещать свою старую тётю, дорогая, - верещала тётушка, наливая кофе в чашку и подавая её племяннице, впрочем, совершенно не задумываясь о том, что кофе слишком горяч и едва ли его можно будет пить, да и саму чашку почти невозможно было держать в руках.

- Вы же сами попросили меня зайти, тётушка, - отозвалась Лаура, отставляя чашку обратно на столик и дуя на обожжённые пальцы. – Сказали, вам от меня срочно необходима какая-то помощь.

- Да, да, так всё и есть, но о деле мы поговорим чуть позже. Вернее о моей просьбе. Сперва же я хочу показать тебе моё последнее приобретение. Я вчера, знаешь ли, побывала на цветочной ярмарке, которая только-только открылась поблизости от павильонов Центрального рынка. Но лучше я расскажу тебе обо всём в оранжерее. Поднимайся, дорогая, посмотришь на моего нового «жильца».

Лауре не слишком хотелось пить перегретый кофе, поэтому она живо вскочила на ноги. Тётя и сама думать забыла о кофе, поглощённая предстоящим разговором. Когда они вернутся на диван (если вернутся), то напиток уже остынет и станет безвкусным, и тётушка без сожаления выльет эту гадость, да и племяннице пить запретит.

Миссис Найтингейл всякий раз водила всех своих гостей в оранжерею. Она обожала экзотические комнатные растения и считала, что весь мир должен восторгаться растениями точно так же, как и она сама. В её доме все подоконники были заставлены ими, а в небольшой оранжерее, которую она устроила из эркерного окна, находились редкие виды, лучшие экземпляры, которые всегда с гордостью демонстрировались всем посещающим её дом. Для того, чтобы считаться ботаником, ей не хватало образования, для того, чтобы быть селекционером, необходимых знаний и умений по скрещиванию видов, однако хозяйке никогда не надоедала демонстрация «жильцов» и «питомцев», и от гостей ожидалось, что они начнут расхваливать её искусство образцового садовода. Растений в самодеятельной оранжерее было немного, но рассказывать о них Флоранс могла довольно долго: как они были приобретены, в каком виде она принесла их к себе изначально, как улучшила грунт, сколько и каких удобрений добавила, и прочее, и прочее, и прочее. Конечно, по её мнению, срочная помощь племянницы могла потребоваться лишь для того, чтобы та первая выслушала о новом приобретении. Тётушка обожала посещать цветочные базары, ярмарки, фестивали, всякий раз возвращаясь с них с новым горшочком с

растением; пыталась участвовать и в различных конкурсах, но никогда не занимала никаких мест. Растения росли у неё хорошо, но не было у неё того особого чутья, которое позволяет создавать удивительные вещи, целые произведения искусства из живых существ или же столь совершенный образец, что в нём нельзя отыскать ни одного изъяна. Услышав что-то от других, она лишь пыталась повторить это и у себя, не помышляя о том, что можно создать нечто иное, своё собственное. Все её задумки были не чем-то оригинальным, но лишь вторичным копированием. Её оранжерея была хороша и только даже в глазах людей, не увлечённых миром комнатных растений, так что и удивляться не приходилось, почему на конкурсах её питомцев обычно не удостоивали вниманием.

Лауре было жаль тётушку за её глупость и недалёкое восприятие мира. Мог возникнуть вопрос: что же тогда постоянно притягивало к такой родственнице эту награждённую всеми дарами природы умницу и красавицу? То был прямой приказ отца. Он просил присматривать за их богатой, но обеднённой духовно родственницей с тем, чтобы значительные суммы её состояния не улетучивались понапрасну на разные глупости, и всегда отвечать на любые приглашения погостить или приехать к ней согласием. Отец надеялся, что таким образом Лаура окажется для неё незаменимой и в итоге отпишет именно ей всё своё состояние, а не тем родственникам из Америки, от которых никогда ничего не было слышно, но которые, тем не менее, тоже могли претендовать на её наследство.

Оранжерея тётушки представляла собой небольшое полукруглое пространство. Растения освещал солнечный свет восточной стороны, льющийся на них сквозь вытянутые узкие окна эркера. Над подоконником и параллельно ему шли ещё три полочки – такая этажность позволяла разместить большее количество растений. Самая верхняя полочка была несколько сужена из-за закруглённости оконного проёма, поэтому там стояли кактусы и суккуленты, низенькие, но раздавшиеся вширь (точь-точь как сама тётушка Флоранс). Под ними стояли орхидеи всевозможных видов, но с разным, непременно не повторяющимся окрасом цветов. Ещё ниже – разнообразные раскидистые экзотические цветы, непрерывно цветущие большую часть года: калла, антуриум, цикламен. Широкий подоконник, в полтора раза шире всех этих полочек, занимали самые крупные растения, предпочитающие тянуться вверх: драцены, фикусы и декоративные лианы с вертикальными опорами, способствующими правильному их росту. Таковы были питомцы тётушки Флоранс на данный момент. По обеим сторонам оранжерейного окна на пол опускались красивые шторы с ламбрекенами из лёгкой ткани палевого оттенка. Они были подобраны с тем расчётом, чтобы красиво дополнять обрамление оранжереи, залитой солнцем в первой половине дня. Шторы никогда не закрывались, дабы взоры всех вошедших в комнату сразу устремлялись в сей благостный зелёный уголок.

Тётушка Флоранс поднялась на деревянный приступочек, который всегда стоял рядом на полу, и достала с третьей полочки какую-то сморщенную луковицу в сухом субстрате в маленькой мисочке.

- Вот. Это моё последнее приобретение, - гордо продемонстрировала она покупку племяннице.

Лауру вовсе не впечатлил этот сухой жалкий комочек, но вслух она всё же поинтересовалась:

- Это какое-то луковичное, да?

Сколько бы раз тётушка не повторяла ей названий растений, она всё равно не запоминала их. Она более предпочитала сады и цветники, разбитые на открытом воздухе. А вся эта пёстрая зелень, диковинные вечноцветущие цветы, пусть и экзотические, но не произрастающие в дикой природе Британии, её не впечатляли.

- Да, это луковица гиацинта. Пока лето, она должна находиться в сухом покое и иметь подобный вид. В сентябре проклюнется зелёная стрелка. А уже к концу февраля – началу марта распустится и сам цветок. Вообще их несколько на одном цветоносе. Цвет очень нежный, а

аромат сладкий, тонкий. Правда, цветёт гиацинт не очень долго. Эта вот луковица должна дать бледно-розовые цветы.

- И сколько вы за неё заплатили?

- Ни больше и ни меньше, как сто фунтов.

Лаура подумала про себя, как бы тётушка не была обманута, если тот, у кого она приобрела луковицу, бесчестный человек. Можно говорить, что угодно, о будущем, которое должно наступить через несколько месяцев, прекрасно зная, что из сухого неприглядного комочка никогда не проклюнется никакой жизни. Она не стала высказывать своих опасений тётушке, потому что та всё равно не поверила бы ей. Да и потом, через столько времени тётушка уже может забыть, сколь сильно ей расхваливали эту самую луковицу и сколь дорого она за неё заплатила, а это значит, что она и не огорчится, когда луковица так и не расцветёт.

А тётушка всё продолжала разглагольствовать:

- Нет, ты не думай, что я прямо-таки в восторге от своего приобретения. Я на самом деле не люблю эти луковичные, потому что цветут они мало и потом долгое время имеют вот такой неприглядный вид. Я слышала, их популярность пришла на эпоху средневековья, когда люди на их приобретение тратили целые состояния. Мне пришлось купить её лишь из вежливости к той даме, с которой я разговорилась. Она была столь любезна, так подробно объясняла мне всё, что должна же я была её как-то отблагодарить.

Тут тётушка наконец-то вернула луковицу обратно в общество орхидей, а затем неторопливо спустилась с деревянного приступочка.

- Давай присядем. Я расскажу тебе подробно о разговоре с той женщиной.

Они прошествовали обратно к белому дивану. Тётушка взяла свою чашку кофе, усевшись, и сделал первый глоток. Лаура с интересом за ней наблюдала.

- Какая гадость! – молвила она, скривившись после выпитого, и тотчас отставила чашку обратно. – Не пей этого, дорогая. Не надо было мне слушать Хилн и приобретать этот дорожный эфиопский кофе, по её словам, самый лучший по вкусу и качественный по обжарке. В кофейнях города самый дешёвый и то будет вкуснее!

Она откатила лёгкий алюминиевый столик в сторону от них подальше.

Это было в манере тётушки: постоянно отвлекаться на незначительные мелочи в ущерб самому важному и главному. Тётушка много говорила и была суетлива, но в том, что касалось самого важного, она всегда как бы пятилась назад. Лауре припомнилось, как несколько месяцев назад, когда они с тётушкой были в другом городе, поддалась её уговорам и остановилась у цветочного рынка. Дачный сезон только начинался, и повсюду во множестве продавались саженцы для садов и огородов. Тётушке они были ни к чему, потому что она жила в центре города и не имела возможности ничего нигде высаживать в открытом грунте, но она должна была взглянуть на то, что продаётся на рынке, хотя бы одним глазком, чтобы потом рассказывать своим подружкам о том месте, где сами они ещё не были. Обещания заглянуть всего на пятнадцать минут в итоге переросли в трёхчасовую прогулку, потому что тётушка, узрев, что рынок достаточно велик, не стала довольствоваться лишь осмотром крайних рядов, потащив свою племянницу вглубь. В итоге Лаура пропустила свидание, которое могло бы способствовать кое-каким переменам в её жизни.

Девушка совершенно не знала матери. Та скончалась в годовщину её рождения. Бабушка воспитывала её в строгости, отец постоянно был занят на работе, пытаясь делами заглушить тоску по почившей супруге. Когда она выросла, вдруг оказалось, что у неё есть тётка, женщина весьма лёгкая, добродушная, которая не сделает ни единого замечания чужому ребёнку, потому что слепа к чужим промахам точно так же, как и к своим собственным. В общем, общество тётушки пришлось ей по душе, потому что в её доме ей было легко. Флоранс тоже прониклась к своей единственной племяннице, потому что та предпочитала слушать, не говорить; собственные же её подруги порой ей не давали и словечка вставить. В итоге обе уже не могли

обходиться долго друг без друга. В обществе Лауры тётя могла трещать без умолку, сколько ей вздумается; Лаура же была предоставлена относительная свобода в мыслях, речах и поведении. Повзрослев и обзаведясь собственным автомобилем, Лаура точно так же продолжала наносить визиты в её дом по нескольку раз в неделю, а то и чаще, если тётушка желала воспользоваться средством её передвижения, отцовским подарком, для своих целей и нужд.

- Я уже сказала тебе, - начала тётушка, - что ходила вчера на ярмарку цветоводов, где заботливые хозяева демонстрировали свои лучшие образцы, а заодно и продавали потомство от этих образцов, пополняя свои доходы таким видом заработка. Я не собиралась ничего покупать, можешь мне поверить, потому что всему должна быть мера, и комнатные растения не должны стоить соразмерно с драгоценностями или с недвижимостью. Но ходить вдоль рядов и восхищаться то тем, то другим мне ничто не мешало.

Так вот, у одной дамы я заинтересовалась карликовыми розами необычного синего оттенка. Она утверждала, что не примешивала краситель в воду, которой их поливала, что они выведены искусственно, что бутоны не сделаются бледнее даже при следующем цветении. Розы эти она просто демонстрировала, а продавала в основном луковичные. Я потом ещё походила по ярмарке, но больше ни у кого не встречала столь же оригинальных цветов, поэтому снова вернулась к ней. Мы разговорились, и так я выяснила, что эти самые розы ей якобы подарил один селекционер. Я пыталась выспросить подробнее, кто он, на что мне было отвечено, что человек этот живёт затворником и о своей деятельности не распространяется. Поэтому, конечно, я и заплатила сто фунтов за её луковицу, чтобы она стала поразговорчивей, и тогда дама эта поведала мне следующее.

Некоторое время назад она проезжала через Пейсли, везла в фургоне рассаду помидор и огурцов. На выезде из города у неё случилась небольшая поломка. Она увидела неподалёку домик и направилась туда, чтобы позвонить. Глазам её открылось удивительное зрелище. За высоким забором скрывался сад редкостной красоты. Она никогда не видела такой идеальной продуманности, где бы цветы различные соседствовали друг с другом в полной гармонии. Вроде бы ничего необычного на первый взгляд, но всё же настолько совершенный парк по сравнению со всеми другими, ею виденными.

Её впустили. Она объяснила, кто такая и что с нею приключилось, ей разрешили позвонить. После звонка она не скупилась на похвалы хозяину. Говорит, это произвело на него впечатление, и потому он, расщедрившись, подарил ей эти карликовые розы. Она узнала от него немного. Вся жизнь он занимается селекционированием, но в выставках и конкурсах участия не принимает. Как он признался этой женщине прежде, чем её выпроводить, в душе он мизантроп.

Вот поэтому-то я и хочу, моя дорогая, тоже съездить к этому человеку и увидеть своими глазами все те диковинные вещи, о которых эта продавщица мне поведала. И я прошу тебя отвезти меня к нему прямо сейчас.

Лаура ожидала нечто подобное от тётушки, когда та позвонила ей утром, приглашая в гости, поэтому такая поездка не могла быть ей особо в тягость. Она её предполагала.

- Вы знаете адрес? – только спросила она.

- Селекционер живёт в Пейсли. Туда ехать на грузовичке не более полутора часов, но, так как ты водишь быстро, будет быстрее. Продавщица сказала, дорога ведёт насквозь через этот городок, и его дом будет на выезде, мимо не проедешь.

- Тогда собирайтесь, тётушка. А я пока схожу в уборную. Со вчерашнего вечера нос заложен. Видимо, подхватила где-то лёгкую простуду, - сказала Лаура.

- Отлично. Я как раз успею отыскать свои очки и накинуть жакет.

Через несколько минут обе женщины уже выходили из передней на крыльцо. На Флоранс поверх блузки красовался голубой жакет и голубая шляпка. Она намеренно надела этот однотонный костюм, чтобы произвести впечатление. Она задумала этот визит сразу, как только

услышала о селекционере из других уст. Страстно хотелось, чтобы и ей тоже он подарил что-нибудь столь же необычное, как синие розы, из своего сада.

Часть вторая. Первозданный Эдем

Автомобиль Лауры был полуспортивной моделью (подарок отца, а тот предпочитал функциональные вещи), на нём можно было развить приличную скорость, особенно за городом. Весь путь тётушка без умолку трещала, обсуждая каждый садик, увиденный за окном, или же то, что ещё можно обнаружить у селекционера помимо синих роз. Довольно скоро девушка отстранилась от её неиссякаемого потока слов. Она уже достаточно давно научилась предаваться собственным мыслям, одновременно кивая тётушкиным словам, да так ловко, что та никогда не замечала её отстранённости.

Дорога от Глазго в этом направлении тянулась ровно вперёд, но местность была холмистой. С каждой вершины холма в глаза бросались живописные ландшафты низин, уютные уголки сельской местности. Но внутреннему взору Лауры очень ясно представилась совсем другая картина. Не тётка будто бы сейчас сидела рядом с ней, а молодой человек. Возможно, тот, свидание с которым у неё так и не состоялось. И они ехали сейчас куда-то в глубинку, чтобы провести вечер вдали от городской суеты, и это время обещало быть для девушки очень приятным.

К сожалению, в их семье бабушка решала, каким кавалерам позволительно ухаживать за внучкой. Она знакомила Лауру с одними военными или моряками, которые казались девушке отталкивающими, так как были стары и скучны для неё. Симпатичных же молодых людей бабушка даже не рассматривала; по её мнению, все они в этом возрасте были ещё легкомысленны и недостаточно надёжно обеспечены в финансовом плане. А так как Лаура была из семьи состоятельной и благородной, ей не следовало связывать себя неравным браком. Увы, выбирать человека сердцем было не для неё! Единственное свидание, на которое она собиралась попасть тайком и по своему желанию, так и не состоялось по тёткиной вине, а её избранник с тех пор так ни разу и не позвонил. Может, думал, раз она не пришла, значит, не считала, что он её достоин. Такое мнение было ошибочным, но доказывать обратное было больше некому.

В Пейсли они въехали, когда ещё не прошло и часа с момента их отправки из дома. Совершенно непримечательная местность, хотя и расположенная так близко от крупного центра, в котором они жили.

- Удивительное дело, - молвила тётушка, - что живёшь так близко, а и знать не знаешь о некоторых удивительных личностях. Селекционер этот – настоящая находка для меня. Всегда мечтала познакомиться с подобным человеком. Смотри, Лаура, аптека. На обратном пути можем заехать сюда, подобрать тебе что-то от насморка, - расщедрилась тётя в предвкушении грядущих удовольствий в гостях у незнакомца.

- Вы уже подумали над тем, что скажете, когда постучитесь в его дом? – поинтересовалась Лаура.

- Да точно так же, как та женщина. Скажем, что у нас машина сломалась и нам нужно позвонить.

Да, даже в таких случаях тётушка Флоранс не имела собственных мыслей в голове.

- А не лучше ли сказать правду? – предложила Лаура. – Мы приехали издалека, потому что наслышаны о нём и хотели бы приобрести те замечательные синие розы или что другое, что он может нам предложить.

- О, как ты здорово придумала, Лаура! – недалёкая женщина едва ли не захлопала в ладоши от воодушевления. – Только я взяла с собой не так уж много средств для покупок.

- Об этом можете не волноваться. Я сделаю вам подарок. Можете приобрести синие розы и что-нибудь ещё.

- О, спасибо, моя дорогая! Ты так щедра к своей старой глупой тёте!

- Смотрите, мы уже выезжаем из города. Вы уверены, что мы не проехали нужный дом?

Да, город заканчивался. Хотя Лаура снизила скорость достаточно, они только что миновали последние домишки. Впереди была только дорога и зелень с обеих сторон.

- Нет-нет. Наверное, я забыла упомянуть, что так и должно быть. Весь город проезжаешь насквозь, а потом должен быть поворот. Вот он, смотри.

Лаура тоже его заметила и крутанула руль.

- Останови где-нибудь здесь. Та женщина шла пешком до его дома.

- Но мы же договорились не поступать, как она.

- Всё равно. Я хочу иметь возможность осмотреться, прежде чем звонить в его дверь.

Девушка, пожав про себя плечами, остановилась, как ей было велено.

- Мне, наверное, не стоит идти с вами, - высказалась она.

Всё равно тётушка не слушалась её совершенно там, где что-то касалось растений. А когда она видела их изобилие, ей вообще не нужна была компания. Она попросту теряла разум и без устали восхищалась всем подряд. И даже возрази ей Лаура, она в таких случаях слушала только себя.

- Почему же? Пойдём вместе. Ты мне будешь очень-очень нужна там. Как можно предпочесть сидеть в машине прогулке по саду, да ещё когда я тебя приглашаю. И ты ведь обещала сделать мне подарок, не забыла?

- Конечно, нет. Я глупость сказала. Идёмте, тётя.

Женщины неторопливо направились вверх по холму. Островерхая крыша уже виднелась, как и часть верхнего этажа жилого старомодного особняка. Со стороны, с которой они подходили, дом был полностью увит плющом. Чем ближе они подходили, тем сильнее убеждались, что доски забора высоки и плотно пригнаны друг к другу. Из-за обилия деревьев и кустарников подъездная дорожка была довольно тенистой, а вот всё, что находилось за забором, как раз заливал яркий солнечный свет.

- Ничего не видать, - посетовала тётушка, поняв, что бесполезно пытаться заглянуть в щели забора, которых попросту не было.

- Значит, этот человек действительно мизантроп, - высказалась вслух Лаура.

- Будем надеяться, что он не откажется впустить нас, - тётушка ускорила шаг, направляясь к калитке с прорезью для почты, кнопкой звонка и переговорным устройством.

Дорожка для машин вела дальше, но люди попадали в дом именно отсюда.

- Зачем человеку столько предосторожностей? – мысленно подивилась Лаура, глядя на переговорное устройство. – Дом он, что ли, не запирает?

Тётушка Флоранс решительно нажала на кнопку, но в ответ не услышала никаких звуков.

- Говорите, - молвил голос через несколько секунд довольно резко, почти крича.

Флоранс Найтингейл даже вздрогнула от неожиданности.

- Простите, глубокоуважаемый сэр, - заговорила она, собравшись с духом, - вы нас не знаете, но мы наслышаны о вашем саде и взяли на себя смелость потревожить ваш покой, чтобы обозреть его и что-нибудь купить.

- Вы ошиблись, я не продаю растения.

Переговорное устройство отключилось. Как оказалось, хозяин этого дома не церемонился с незнакомыми людьми.

- Давайте лучше уйдём, тётя, - предложила Лаура. – Видно же, что нам здесь не рады.

- Это была лишь первая попытка, моя дорогая, а они, как известно, редко бывают удачными. Глупо будет уйти, не попробовав ещё несколько раз. Мы почти у цели. Нас отделяет от чудес лишь этот забор. Преодолев его, дальше я непременно справлюсь, каким бы ни был его хозяин.

- Неужто, тётя, вы задумали украсть какое-нибудь растение?

- Ну, что ты такое говоришь?! Позаимствовать, - с редкостным достоинством поправила миссис Найтингейл и решительно нажала на кнопку вызова ещё раз.

- Говорите, - снова донёсся всё тот же сухой голос.

- Простите, глубокоуважаемый сэр, это всё ещё мы, - затараторила миссис Найтингейл, спеша произнести максимум слов до того, как переговорное устройство снова может отключиться. – Видите ли, мы приехали издалека специально, чтобы нанести вам визит. И потом, со мной стоит племянница, а она немного приболела, но всё равно пожелала отправиться сюда, когда я рассказала ей, куда направляюсь. Быть может, вы всё-таки сжалитесь и пустите нас хотя бы на минуточку, чтобы мы могли взглянуть на ваших диковинных питомцев, о которых столько наслышаны.

- Раз всё так, как вы говорите, - отозвался голос, - я сейчас спущусь. Ждите.

На лице Флоранс расцвело ликование. Радоваться эта женщина умела так же неподдельно, как и удивляться всему.

- Видишь, Лаура, - объявила она, - что значит выбрать правильный тон в общении с незнакомыми людьми. Нужно уметь вызывать их расположение к себе, а даже у меня это не сразу выходит порой.

Девушка молчаливо кивнула. Временами тётка вела себя до крайности бесцеремонно или бестактно и тоже называла этой достойной манерой поведения. Лично ей правила хорошего тона никогда бы не велели вот так настойчиво проситься в дом абсолютно незнакомого человека.

- Ох, даже не верится, что уже через несколько минут мы будем внутри и сможем насладиться дивной красотой. Подобное чувство у меня всегда возникает перед тем, как войти в ботанический сад, когда я уже приобрела билет. А ты ехать не хотела!

Такого не было вовсе. Лаура в любом случае отвезла бы тётку туда, куда той хотелось, но спорить было бесполезно. Когда Флоранс Найтингейл пытались внушить, что всё совсем не так, как она думает, она лишь ещё более укреплялась в своём неправильном мнении. И потом, в таких вот ситуациях ликования тёткины мысли перескакивали с одного предмета на другой с лихорадочной быстротой.

Но в этот раз Флоранс особо долгий монолог повести не удалось, потому что очень скоро в калитке что-то щёлкнуло, и она автоматически распахнулась во внутрь, приглашая войти, а затем точно так же автоматически захлопнулась за их спинами.

По ту сторону их уже поджидал высокий седовласый мужчина с благородными чертами лица в клетчатой рубашке и вельветовых брюках. И хотя он был довольно стар, старше даже тётушки, на что указывали многочисленные морщины на его лице, он держался гордо, точно силы ещё вовсе не оставили его. По мнению Лауры, именно такой человек мог быть типичным профессором какого-нибудь колледжа. Он закрывал собой тропинку, выложенную мелким гравием, которая тянулась по всему саду, но всё равно было видно, какое кругом изобилие зелени и пышных ярких разноцветных цветов, а в окружении всего этого великолепия – миленький домик с островерхой крышей и вытянутая прямоугольная пристройка по соседству. Стена, обращённая в сад, была свободна от всяких ползучих растений.

- Здравствуйте! Я бы хотел узнать, от кого именно вы узнали обо мне и с чего решили, что я вам что-то продам?

У него оказался глубокий хорошо поставленный голос, точно он и впрямь натренировал его, читая лекции для студентов. Уводить с порога их он, по-видимому, не торопился. Именно по ответу на этот вопрос он должен был решить, выпроводить ли их вон или всё-таки позволить немного погулять по своему царству.

- Для начала позвольте поблагодарить за то, что уделили нам время, - начала тётка. – Меня зовут миссис Найтингейл, а это моя племянница, мисс Вермонт.

- Как поживаете? – осведомилась Лаура, но мужчина совершенно не обратил на неё внимания, дожидаясь с невозмутимым видом ответа на то, что его интересовало в первую очередь.

- Мы из Глазго, и в том районе, где я проживаю, меня знают, как профессионала по уходу за комнатными растениями. Я живу в центре, поэтому могу содержать только оранжерею у себя дома. Вчера я оказалась на цветочной ярмарке, которые достаточно часто посещаю, и разговорила с одной из продавщиц, и эта дама поведала мне о вас. Она даже продемонстрировала те самые синие розы, которые вы ей подарили.

- Достаточно, - осадил её хозяин. - Я понял, о ком вы говорите. Я никогда никому не продаю и не дарю свои растения. Эта женщина самым бесстыжим образом украла у меня целый горшок, когда я желал оказать ей любезность, предполагая, что она попала в беду. Если прежде гостей я не жаловал, пуская к себе лишь избранные единицы, то потому лишь, что после их визитов всегда не досчитывался чего-либо. Когда эта обнаглевшая особа удалилась, я тотчас заметил, в чём дело на этот раз, и терпение моё иссякло. Отныне я твёрдо решил не пускать к себе никого. И вдруг ещё выясняется, что она раздаёт мой адрес направо и налево всем желающим! До чего же бесстыжими и бессовестными бывают люди!

- Уверю, что она никому не рассказывала о вас. Это я была особо настойчива, выпрашивая у неё, где она приобрела эти прекрасные синие розы. Мне хотелось узнать больше о владельце таких необычных цветов. Если бы я только знала, что вы предпочитаете уединённость, я бы никогда... тем более, с племянницей...

- Но вы уже здесь, - снова оборвал он её.

Этот незнакомец оказался одним из немногих, кто осмеливался так явно пресекать многословие миссис Найтингейл. И Лауре это нравилось. Тётушка, явно непривычная к такому с собой обращению, после подобных осадок как-то стушёвывалась и зажималась, становясь как бы ещё ниже ростом, и, по крайней мере, умолкала, давая возможность и собеседнику высказаться.

- А вы действительно больны, мисс Вермонт? - неожиданно обратился к ней хозяин, хотя девушке казалось, что он едва ли заметил её точно какую-нибудь букашку и вряд ли обратил внимание на её имя.

- Уверю вас, - затараторила тётушка, отзываясь вместо неё, - у племянницы лишь лёгкое недомогание. Вам не стоит бояться заразы, мистер... э, мистер...

Флоранс беспокоилась, что их могут выпроводить лишь из-за того, что она ненароком сказала больше, чем следовало. Пожилой господин же смотрел на Лауру, ожидая, пока ответит сама девушка. Помочь миссис Найтингейл договорить, представившись, он и не собирался.

- У меня только нос заложен и больше ничего, - отозвалась Лаура.

- Её просто могло продуть в машине, - продолжала защищать её тётка, на всё готовая, только бы побыть в саду этого человека подольше. - Сколько раз я ей говорила не ездить с открытыми окнами.

На деле Лаура не припомнила бы и одного раза.

- Хорошо. Я вам покажу кое-что, раз уж вы так интересуетесь растительным миром.

Тётка только собиралась рот раскрыть, заверив его, что да, этим миром она ещё как интересуется, но он поднял руку в её сторону, велел помолчать, и продолжил сам.

- Однако для начала я ознакомлю вас с некоторыми правилами, которые вы обязуетесь исполнять, находясь на моей территории. Во-первых, никаких сувениров: ни листка, ни травинки, ничего; тем более, цветов. Я здесь занимаюсь выведением уникальных видов, и в мои намерения не входит, чтобы они стали достоянием гласности. Во-вторых, ходить только по проложенным дорожкам. В-третьих, к цветам не прикасаться. И старайтесь ничего не задевать своими сумками и юбками.

- Конечно-конечно, мы обещаем, мистер э...

- Бальтазар, - наконец-то сообщил им своё имя хозяин.

- Мистер Бальтазар, мы обещаем, что своим присутствием никаких неудобств вам не доставим, - горячо заверила его миссис Найтингейл, хотя у этой женщины, несмотря на все её клятвенные заверения, всегда имелся собственный образ действий.

- Тогда идите за мной. Я покажу вам некоторых своих питомцев, - милостиво пригласил их в свою обитель этот человек и махнул рукой, приглашая следовать за собой.

Тут Лауре почему-то почудилось, что не последнюю роль в его приглашении сыграл её насморк.

Очень скоро обе женщины забыли обо всём, что не касалось данного места, в которое они попали. Свой цветущий сад господин Бальтазар назвал Первозданным Эдемом. На первый взгляд вроде бы ничего такого особенного в нём не было, все цветы росли альпийскими горками: от самых низкорослых до самых высоких, и были скомпонованы группами по цвету лепестков: фиолетовые и синие, красноватые и розовые, жёлтые и оранжевые, белые. Не хватало только зелёных, но такого и быть не могло, иначе это были бы уже не цветы. Как правильно заметила та женщина-продавец с ярмарки, в саду всё же царила идеальная продуманность, в которой цветы соседствовали в полной гармонии. Нельзя было отрицать тот факт, что именно так их скомпоновало разумное существо, хотя своим массовым цветением они должны были выражать именно первозданную дикость. Миссис Найтингейл не задумывалась над этим, поражённая то одним, то другим, осматривая листки, склоняясь ближе к цветкам и вдыхая их ароматы, и всю расточая похвалы хозяину. Лаура же уже через несколько минут поняла, что дом окружён сплошным цветником, и на приусадебной территории не встретишь ни одного столь характерного для этой местности плодового дерева или какого-нибудь кустарника с ягодами. Даже трава нигде не росла. На клумбах были комья идеально чистой земли, вне клумб только гравийные дорожки, и так повсюду от дома и до забора и от забора до дома. Цветущий сад, где всё цвело пышным цветом, но то лишь, что было нужно селекционеру, а именно, одни цветковые виды. Такую ограниченную выборку никак нельзя было назвать райскими кущами, где, несомненно, должны были присутствовать и какие-нибудь деревья, кустарники, травы. Не цветущим был лишь плющ, полностью увивающий одну стену дома до самой крыши, ту сторону, какой дом был повернут к шоссе. Проезжая внизу, можно было увидеть лишь эту его часть на холме. Невольно возникал вопрос, не случайно ли он был тут высажен? Быть может, хозяин намеренно зарастил эту стену плющом, оберегая свои секреты от посторонних взоров?

В какой-то момент Флоранс поинтересовалась у мистера Бальтазара, отчего, как он думает или знает, цветы цветут так буйно и так крупно именно у него. Он ответил, что всё дело в удобрениях и минеральной смеси, которую он изготавливает сам, но секрет состава он не откроет, так как это его личная разработка. Он подобрал минеральные вещества именно в той пропорции, в которой они лучше всего усвоятся растениями, вызывая у них крепкий иммунитет, не позволяющий проявляться болезням и способствующий активному росту.

Лаура рассеянно слушала их переговоры, держась несколько позади. Она ничего не смыслила в ботанике, не запоминала названий и была способна восхищаться садами лишь с точки зрения красоты. Данный сад при первом впечатлении должен был восхищать буйным цветением, но по здравом размышлении девушка решила, что он ей не нравится. Он был каким-то искусственным, надуманным. В ботанических садах, например, чувствовалось, что человек прикладывает руку к тому, что создаёт: он либо объединял в одну композицию несколько разноплановых растений, либо дополнял её какими-либо предметами, создавая нечто оригинальное, смешивая предметы своего быта с природой. На этих же клумбах были только цветы и больше ничего, как одна-единственная вещь, вырванная из контекста. Этот сад был воплощением красоты холодной, застывшей и неживой. Если бы все эти цветы были стеклянными или фарфоровыми, они и то создавали бы лучшее впечатление.

Вытянутая прямоугольная пристройка, несколько длиннее самого дома, оказалась оранжереей. Хозяин подвёл к ней дам под самый конец, когда их общество в небольшой степени, но

всё-таки пришлось ему по душе (ведь он не мог не заметить, что они свято соблюдают все его правила и ведут себя очень почтительно, расхаживая по гравийным дорожкам и придерживая свои сумки), и он несколько более расслабленно беседовал с миссис Найтингейл уже несколько минут, точно все её похвалы доставляли ему несказанное удовольствие.

На ступеньках при входе в оранжерею стояли горшочки с миниатюрными синими розами.

- Вот те самые синие розы, благодаря которым вы оказались у меня, - указал на них мистер Бальтазар.

- Неужели и вправду вы не использовали никакого красителя для придания им такой окраски? – поинтересовалась тётушка Флоранс с полным восторгом, поправляя очки и склоняясь ближе к бутонам.

- Уверяю, что нет. Они выведены искусственным путём, и для такого результата мне потребовалось десять лет. Эти пять горшочков – всё, что у меня есть. Изначально их была дюжина, но остальные погибли, а один у меня украли, как вы теперь знаете.

- Это так поразительно, мистер Бальтазар! Вы наверняка самый блестящий учёный нашего времени. В каком университете вы преподаёте? Я хочу, чтобы Лаура посещала ваши лекции.

- Вы очень любезны, миссис Найтингейл, но я отнюдь не преподаватель.

- Нет?! Тогда чем же вы занимаетесь?

- Я уже нахожусь в том возрасте, когда могу позволить себе тихую неприметную жизнь простого обывателя. Когда-то я был финансистом и работал в банке, но это не доставляло мне никакого удовольствия. Настоящей моей страстью ещё с мальчишеских времён была возня с растениями, как я называю до сих пор это занятие. Мне всегда нравилось что-то выращивать, экспериментировать, создавать новое. Вот перед вами моя оранжерея. Внутри все мои новейшие разработки. Там произрастает то, чего в живой природе вы не найдёте. Это полностью мой мир. Такой, каким я его вижу. В природе виды выглядят так, чтобы обеспечивать себе выживаемость. В моей оранжерее они выглядят так, как заблагорассудится мне. Под этой стеклянной крышей я создаю мир для себя и под себя. Здесь то, чего более нигде не увидишь, поэтому я дал своей оранжерее название паноптикум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.